
СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	11
----------------	----

Часть I. ЦИТАТНЫЙ КАНОН КУЛЬТУРЫ

«Крылатые слова» и цитатный канон культуры	12
Русско-советский «кинемалогос»: кино как источник речевого фольклора	38
Шахматы как область цитатного творчества.....	43

Часть II. ИСТОРИЯ ФОРМУЛ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Ангелы на кончике иглы	54
Аппетит приходит во время еды.....	59
Бальзаковский возраст	63
Бесплатных завтраков не бывает	70
Боги уходят	75
Братья по разуму	79
Будь готов! – Всегда готов!.....	82
«Буря в стакане воды»: история выражения.....	85
В этой гипотезе я не нуждался.....	93
«Великий немой»: происхождение термина.....	98
Волшебное слово.....	105
Время – деньги	109

Все мы вышли из гоголевской «Шинели»	112
Все позволено	116
Все хорошо, прекрасная маркиза!	120
Всех не перевешаешь!	125
Гимнастика ума	128
Главное – не победа, а участие	132
Государство – это я	135
Гранит науки	140
Доверяй, но проверяй	144
Доказывай, что ты не верблюд	149
Древнейшая в мире профессия	156
Дураки и дороги	161
Еще не вечер	164
Женщина не имеет души	168
Живые позавидуют мертвым	172
За всяким большим состоянием кроется преступление	176
Загадочная русская душа	179
И целого мира мало	183
И это пройдет	187
Искусство требует жертв	192
История повторяется дважды	195
Каждая тварь печальна после соития	198
Каждый солдат в своем ранце носит маршальский жезл	202
Каждый человек имеет свою цену	205
Казнить нельзя помиловать	209
... Как веревка поддерживает повешенного	214
Карлики на плечах гигантов	217
Квасной патриотизм	221
Который час? – Вечность	226
Кровь, пот и слезы	232
Кто в двадцать лет не социалист	235
«Ленинская веревка» и «полезные идиоты»	239
Ложь, наглая ложь и статистика	247
Момент истины	252
Между устами и чашей	255
Мы чужие на этом празднике жизни	258

На Шипке все спокойно.....	262
Наступить на любимую мозоль	267
Начальник всегда прав.....	271
Не верь никому старше тридцати	275
Не стреляйте в пианиста!.....	280
Нет героя для своего камердинера	284
Никогда не говори «никогда»	290
О мертвых или хорошо, или ничего	294
Опиум для народа: история метафоры.....	298
Оставить им только глаза, чтобы плакать	307
Остались от козлика рожки да ножки	311
От великого до смешного.....	316
Открыть и закрыть Америку	322
Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?	327
Победителей не судят	332
Помни о смерти	336
Порок наказан, добродетель торжествует.....	341
Поскребите русского, и вы найдете татарина.....	349
Пусть едят пирожные!	355
Развесистая клюква и стакан самовара	360
Революция пожирает своих детей	366
Свет в конце тоннеля	372
Сила выше права	376
Скелет в шкафу.....	379
Смерть и налоги	385
Схватка бульдогов под ковром	388
Теория стакана воды	392
Холодная голова, горячее сердце и чистые руки	397
Человек рожден для счастья, как птица для полета.....	400
Черная кошка в темной комнате.....	404
Штурмовать небо	409
Это хуже, чем преступление, – это ошибка.....	415
Я научила женщин говорить.....	419
Inter faeces et urinas, или «Анатомия – это судьба».....	422

**Часть III.
О НЕКОТОРЫХ «НЕКРЫЛАТЫХ» ЦИТАТАХ
И ТОПОСАХ КУЛЬТУРЫ**

«Три грации считались в древнем мире...»: эпитафия – мадригал – эпиграмма	431
Вольтер и Феофилакт Косичкин: об эпиграфе к пушкинскому памфлету «Торжество дружбы».....	437
О латинских выражениях в поэзии Пушкина.....	447
«Прекрасная полька» в русской культуре	455
Сведения об авторе	460

CONTENTS

Author's note.....	11
--------------------	----

Part I. **THE CULTURE CANON OF QUOTATIONS**

«Winged Words» and the culture canon of quotations	12
Russian-Soviet «kinelogos»:	
cinema as a source of speech folklore.....	38
Chess as an area of quote creativity	43

Part II. **HISTORY OF TOPOS OF LANGUAGE AND CULTURE**

Angels on the tip of the needle.....	54
Appetite comes with eating	59
Balzac woman's age.....	63
There ain't no such thing as free lunch	70
Gods go away.....	75
Brothers in intellect	79
Be ready! – Always ready!.....	82
«The Storm in a Glass of Water»: a story of expression.....	85
I had no need of that hypothesis.....	93
«The Great Silent»: the origin of the term	98

Magic word	105
Time is money.....	109
We all come out from Gogol's «Overcoat»	112
Everything is permitted.....	116
Tout va très bien, madame la marquise!	120
You can't hang us all!	125
A gymnasium of the mind.....	128
What is important is not winning, but taking part.....	132
The state is me.....	135
Granite of science.....	140
Trust but verify.....	144
Prove you're not a camel	149
The most ancient profession	156
Fools and roads	161
The night is early.....	164
Woman has no soul.....	168
The living will envy the dead.....	172
Behind every great fortune there is a crime	176
Mysterious Russian soul	179
The world is not enough.....	183
And this also shall pass away.....	187
Art requires sacrifice.....	192
History has repeated itself twice... ..	195
Post coitum omne animal triste.....	198
Every soldier carried a marshal's baton in his knapsack	202
Every man has his price	205
Pardon impossible to be sent to Siberia	209
...As a rope supports a hanged man.....	214
Dwarfs on the shoulders of giants.....	217
Kvass patriotism.....	221
What time is it? – Eternity	226
Blood, sweat and tears	232
If you're not a socialist at 20... ..	235
«Lenin's rope» and «useful idiots»	239
Lies, damned lies and statistics	247
Moment of truth	252

Between the cup and the lip	255
We are strangers at this feast of life	258
All quiet on the Shipka.....	262
Hurt the favorite corn	267
The boss is always right	271
Don't trust anyone over thirty	275
Don't shoot the pianist	280
No man is a hero to his valet.....	284
Never say never again	290
Of the dead, speak nothing but good.....	294
Opium for the people: the story of the metaphor	298
Nothing was left but the bones and the legs.....	307
From the sublime to the ridiculous.....	311
Discover and close America.....	316
Where are we from? Who are we? Where are we going?	322
To leave them nothing but eyes to weep with.....	327
Winners don't make excuses.....	332
Memento mori.....	336
Vice is punished and virtue triumphs.....	341
Scratch a Russian and you'll find a Tartar	349
Let them eat cake!	355
Highbush cranberries and a glass of samovar	360
Revolution devours its children.....	366
Light at the end of the tunnel	372
Might before Right.....	376
Skeleton in the closet	379
Death and taxes	385
Bulldogs fighting under a carpet	388
The glass of water theory	392
Warm heart, cool head, clean hands.....	397
Man is born for happiness, like a bird for flight.....	400
Black cat in a dark room	404
Storm the sky.....	409
It is worse than a crime, it is a mistake	415
I taught women to speak	419
Inter faeces et urinas, or «Anatomy is <i>destiny</i> ».....	422

Part III.
ON SOME «UNFAMILIAR QUOTES»
AND TOPOS OF CULTURE

«There were three Graces in the ancient world...»: epitaph – madrigal – epigram.....	431
Voltaire and Theophylact Kosichkin: on the epigraph to the Pushkin pamphlet «The Triumph of Friendship»	437
About Latin expressions in Pushkin’s poetry.....	447
Beautiful Polish woman in Russian culture	455
About the author.....	460

ОТ АВТОРА

Эта книга в известном смысле написана на полях серии моих справочников по цитатам и крылатым словам, публиковавшихся с 1996 г. Для цитат с долгой историей объем словарной статьи оказывался явно недостаточным. Отсюда возник цикл статей о хорошо известных цитатах, печатавшийся в периодике. Часть из них, в переработанном виде и с научным аппаратом, вошла в мою предыдущую книгу «Красное и белое: Из истории политического языка» (М.: ИНИОН, 2018).

Статьи об истории устойчивых формул языка и культуры составляют основную часть настоящей книги. Это прежде всего крылатые слова, особенно значимые в русской и мировой культуре, а также те, история которых особенно интересна и недостаточно известна даже специалистам.

Этому разделу предпослана обобщающая статья «“Крылатые слова” и цитатный канон культуры», а также статьи о кинематографе как источнике речевого фольклора и о «малом (групповом) каноне» крылатых слов на примере шахматного цитатного творчества. Третью часть книги составляют статьи, примыкающие к ее основной теме, в том числе о латинских цитатах у Пушкина и стереотипе «прекрасной польки» в русской культуре.

Часть I.

ЦИТАТНЫЙ КАНОН КУЛЬТУРЫ

«КРЫЛАТЫЕ СЛОВА» И ЦИТАТНЫЙ КАНОН КУЛЬТУРЫ¹

Явление, которое в русской лексикографии, а затем и языкознании получило название «крылатые слова», выходит далеко за рамки собственно филологии. В сущности, это часть большой междисциплинарной проблемы – проблемы функционирования текстов культуры. Взяв за исходную точку работы по «крылатым словам», мы рассмотрим некоторые стороны этой проблемы, в том числе тот аспект, который можно назвать «цитатным каноном культуры».

1. К востоку от Рейна и к Западу

Разнородность явлений, объединяемых лексикографами и языковедами под общим наименованием «крылатые слова» (КС), бросается в глаза. Тут и отдельные слова-лексемы, и имена собственные, и составные термины, и развернутые цитаты, прозаические и стихотворные, и многое другое. Поэтому уместен вопрос: составляют ли КС достаточно очевидную, «естественно» вычленимую часть языкового фонда (как, например, пословицы и пого-

¹ Впервые опубликовано в журн.: Культурология: Дайджест. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – № 2 (10). – С. 62–73. Перепечатывается с некоторыми сокращениями и исправлениями.

ворки) или же совокупность КС выделена вполне произвольно для неких особых (прикладных) целей?

Термин «крылатое слово» (который не следует смешивать с обыденным употреблением этого выражения¹) был введен в 1864 г. немецким лексикографом Г. Бюхманом в книге «Крылатые слова» («Geflügelte Worte»). КС, по Бюхману, это «...постоянно воспроизводимое в широких кругах отечества изречение, выражение или имя безразлично какого языка, *исторический источник или литературное происхождение которого известно (доказуемо)*» [цит. по: Шулежкова, 1995, с. 5; курсив мой. – К.Д.].

Здесь даны три критерия:

- 1) общеизвестность КС;
- 2) их воспроизводимость (т.е. достаточно частое употребление);
- 3) происхождение из литературного или исторического источника.

Отметим чрезвычайно важный момент: наличие *точно установленного* источника Бюхман, по-видимому, не считает обязательным признаком КС: достаточно, чтобы «изречение, выражение или имя» имели литературное, а не какое-либо иное происхождение. «Исторический источник» явно понимается как источник письменный, т.е., в известном смысле, опять-таки литературный («литература» в XIX в. понималась весьма широко и отнюдь не сводилась к «художественной литературе»).

Отметим также, что заимствованный у Гомера образ «крылатого слова» скорее затемнял, чем пояснял существо обозначаемого этим термином явления. У Бюхмана речь шла не просто о «летучих» или «метких» словах и выражениях, но о выражениях «книжных» по своему происхождению, и прежде всего – о цитатах; подзаголовок книги гласил: «Сокровищница цитат немецкого народа». Назови Бюхман объект своих исследований «крылатыми цитатами» (с оговоркой, что цитатой может быть и отдельное слово), мы, возможно, избежали бы многих терминологических недоразумений.

¹ В «нетерминологическом» значении этот оборот использован, например, в заглавии известной книги С.В. Максимова «Крылатые слова» (1891), где толкуются русские пословицы и поговорки *нелитературного происхождения*.

Определение Бюхмана в общем и целом было принято С. Займовским в его книге «Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма» (1930), но место «широких кругов отечества» у Займовского заняли «литературно образованные круги». КС, по его чрезвычайно удачному, как мы полагаем, определению, есть «*пословица или поговорка литературно образованных кругов*» в отличие от пословиц и поговорок народной речи [Займовский, с. 15; курсив мой. – К.Д.]. Это уточнение не противоречило позиции Бюхмана: КС, включенные в «*Geflügelte Worte*», были хорошо известны только «литературно образованным кругам», которые, конечно, и имелись в виду под «широкими кругами отечества». Вслед за Бюхманом и вопреки заголовку своей книги Займовский включил в нее не только «цитаты и афоризмы», но и отдельные слова.

Так же понимали КС супруги Н. и М. Ашукины в своем справочнике «Крылатые слова» [Ашукин, Ашукина, 1960]. С 1955 г. он выдержал шесть изданий и стал образцом, знакомство с которым формировало представление о КС у русских читателей и, что не менее важно, у филологов [см.: Душенко, 1996 а]. С этого времени термин «КС» дается в русских филологических словарях, хотя определяется не вполне одинаково.

Лексикографическая практика, в сущности, и обусловила взгляд на КС как самостоятельное и «самоочевидное» целое. Об этом свидетельствует хотя бы следующее высказывание: «...Типы их [словарей КС. – К.Д.] весьма существенно варьируются, а сам термин “крылатые слова” употребляется преимущественно в странах немецкого, славянского и скандинавского языков, *но существо от этого не меняется*. Очевидно, что такие словари удовлетворяют общественной потребности» [Беркова, 1991 б, с. 100–101; курсив мой. – К.Д.].

Между тем в качестве особого объекта описания и исследования КС (в бюхмановском их понимании) рассматриваются *только* в перечисленных выше странах Европы – немецкоязычных, скандинавских и некоторых славянских¹, т.е., условно говоря, «к вос-

¹ Первый и пока что единственный польский словарь КС [Markiewicz, Romanowski] появился лишь в 1990 г., причем в некоторых существенных отношениях он ближе к английским словарям цитат, чем к немецким и русским словарям КС; в частности, цитаты расположены здесь по авторам.

току от Рейна». И хотя в «Словаре лингвистических терминов» [Ахманова, с. 212] дается английское соответствие термину КС (winged words), мы напрасно стали бы искать его в названиях английских справочников. Во Франции, Испании, Италии и особенно – в Англии и США издаются самые разные словари: словари цитат; пословиц и поговорок; иноязычных слов и выражений; разговорных клише; литературных персонажей; литературных аллюзий (античных, библейских и мифологических) и т.д. Но ни один из них не совпадает – хотя бы в основных чертах – с русскими словарями КС.

Ближе всего к словарям КС стоят, с одной стороны, словари аллюзий (не слишком многочисленные), с другой – во множестве издаваемые словари цитат; но эти два вида справочников совершенно самостоятельны, имеют различное назначение и не воспринимаются как части какого-то целого. В словари цитат не включаются слова-лексемы, тем более – имена собственные, и почти не включаются краткие фразеологизмы типа: «книжники и фарисеи», «туманный Альбион», «перейти Рубикон». Зато в словарях аллюзий преобладают именно эти две категории, а в «Крылатых словах» Ашукиных они составляют едва ли не половину словника.

Большая часть высказываний, включаемых в словари цитат, не относится к разряду «ходячих» и не выступает в роли «пословиц и поговорок образованных людей», хотя бы из-за своего объема. В словарях цитат решительно преобладают законченные высказывания из одного или нескольких, вплоть до шести, семи и более предложений (что совершенно исключено в словаре КС), а также целые стихотворные строфы или отрывки из нескольких строф (в словари КС попадают отдельные строки, гораздо реже – двустишия и лишь в считанных случаях – целые строфы).

В русских словарях КС материал, как и в обычных словарях, располагается по алфавиту¹, а в словарях цитат – по авторам, иногда – по предметам и темам. Наконец, словари цитат не дают ни толкований, ни примеров: указываются только источник и минимальные сведения об авторе. Таким образом, цитаты здесь рас-

¹ Не так было у Бюхмана: в его «Крылатых словах» цитаты даны по историческим эпохам, и к тому же не в виде отдельных словарных статей, а как элементы связного изложения.

считаются не как единицы языка, а лишь как высказывания, особо значимые для данного автора, данного литературного текста или на данную тему. Этот подход можно назвать *антологическим*, в отличие от собственно *словарного*, присущего русским словарям КС (и отчасти – упомянутым выше словарям аллюзий).

Столь существенное отличие русской словарной традиции от «западноевропейской» свидетельствует, на наш взгляд, о том, что представление о КС как некоем целом – от слов-лексем и имен собственных до целых стихотворных строф – есть *локальный, культурно обусловленный феномен*, не могущий претендовать на универсальность даже в рамках европейского культурного круга. Это не значит, конечно, что КС – не более чем артефакт, некая выдумка Бюхмана и его последователей; но следует безусловно отказаться от взгляда на КС как на самоочевидную данность. Примем это к сведению и, не вдаваясь в построение априорных дефиниций типа «“Настоящие” КС есть то-то и то-то...», попытаемся установить, какая именно область явлений включается разными авторами в понятие КС и насколько последовательно соблюдаются принятые критерии.

2. Критерии явные и неявные

Для начала вынесем за скобки критерии, которые, с небольшими вариациями в формулировках, принимаются всеми. Это: устойчивость формы КС, их употребительность, а также общеизвестность (хотя бы в «литературно образованных кругах»).

Что касается употребительности, то, по мнению О. Берковой, использование цитаты «минимум двумя-тремя разными авторами может служить основанием для отнесения ее к разряду КС» [Беркова, 1991 а, с. 7]. Но та же исследовательница признает недостаточную надежность этого метода: цитата «Меж высоких хлебов» дважды встретилась в заглавии литературных произведений, и все же эти слова, «на наш взгляд, не являются КС» [Беркова, 1990, с. 111].

Попробуем спросить: почему? Фактически автор статьи апеллирует к своему личному опыту «квалифицированного» носителя языка – и вполне оправданно. Критерии отбора КС, как будет

показано ниже, с трудом поддаются формализации. Есть основания полагать, что и другие авторы словарей КС в сомнительных случаях руководствовались собственной интуицией или, вернее, опытом «профессионального» чтения большого и разнообразного корпуса текстов.

Дальше начинаются расхождения, нередко принципиальные.

В двух лингвистических словарях [Ахманова; Розенталь и Теленкова] к разряду КС не причисляются отдельные слова, т.е. КС считаются явлением из области фразеологии, но не лексики. Однако почти все лексикографы [Афонькин; Ашукин, Ашукина, 1960; Беркова, 1991 а; Уолш, Берков; Шулежкова, 1993] включают в разряд КС лексические единицы – прежде всего имена собственные нарицательные из литературы и мифологии (Геркулес, Дон-Кихот, Скалозуб).

Имена *исторических* лиц обычно исключаются из разряда КС, хотя, казалось бы, «Геркулес» и «Лукулл», «Шерлок Холмс» и «Пинкертон», «Левша» и «Кулибин» одинаково пригодны в качестве символов. Достаточно вспомнить хрестоматийное «Мы все глядим в Наполеоны», «Что ни слово, то Цицерон с языка слетает», «...собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» и т.д. Наконец, если относить к КС имена собственные, то, вероятно, сюда же следовало бы отнести названия исторических событий, получивших нарицательное значение: «Ватерлоо», «Ходынка», «Цусима». На самом деле этого не происходит.

Причина «дискриминации» исторических имен собственных объясняется просто: их нельзя возвести *только* к литературному источнику. Но если явно однородные языковые явления рассечены границей, значит, принятый критерий выделения КС неудачен – или неверно интерпретируется. И в самом деле: Наполеон, Лукулл, Цицерон, с одной стороны, исторические лица, с другой – персонажи культуры и исторической мифологии. «Наполеон» как имя-символ отсылает к наполеоновскому мифу, над созданием которого трудились целые поколения. Изменится ли статус нарицательного имени «Иван Сусанин», если будет доказано, что Сусанин, как считали многие историки, легендарная личность?

Отсюда следует, что нужно либо исключить из разряда КС имена собственные, либо включить нарицательные исторические имена и названия. В последних изданиях словаря Ашукиных к

именам литературным и мифологическим добавлены некоторые исторические (Катон, Аристарх, Мессалина), правда, выборочно и без особой системы. В первом польском словаре КС [Markiewicz, Romanowski] имен собственных не было вообще. Нет их и в «Словаре латинских крылатых слов»; не случайно в предисловии книга названа «словарем латинских *цитат*» [Бабичев, Боровский, с. 9].

Заметим еще, что если считать обязательным признаком КС его связь с литературным источником, то мифологические имена чаще всего отсылают не к конкретному тексту («мини-тексту»), но к произведению в целом, а то и сразу к нескольким произведениям (Дон Жуан, Вечный Жид, Фауст), т.е. лишь с некоторой натяжкой могут считаться «словами-цитатами». Следует также учитывать «вторичную» литературу об «образе Гамлета», «образе Хлестакова» и т.д. Можно согласиться с Б.С. Шварцкопфом: «Специфика содержания этих крылатых слов требует выделения их в особый разряд, предполагающий скорее литературоведческий, нежели лингвистический анализ» [Шварцкопф, с. 113–114].

Монография С. Шулежковой «Крылатые выражения русского языка...» [Шулежкова, 1995] – первое такого рода исследование в России – почти целиком посвящена фразеологическим, а не лексическим единицам, как видно уже из названия. Термин «крылатые слова» Шулежкова, вслед за некоторыми другими авторами, оставляет лишь для отдельных слов: сочетания из двух и более слов она называет «*крылатыми выражениями*», а КС и «крылатые выражения» вместе – «*крылатыми единицами*». «Однословные» КС в ее книге сводятся, по сути, к литературным и мифологическим именам собственным¹.

Уместно спросить: возможны ли «однословные» КС, *не относящиеся* к разряду имен собственных? Шулежкова о них не упоминает, как, впрочем, и все остальные цитируемые здесь авторы. Между тем такие КС неизменно включаются в соответствующие словари. Мало того, они образуют как минимум две особые разновидности.

¹ При этом составные имена (Джон Буль, Тит Титыч) попали уже в разряд крылатых выражений [Шулежкова, 1995, с. 45], т.е. переведены в разряд фразеологии. Решение, по меньшей мере, сомнительное.

Во-первых, это авторские неологизмы (грезофарс, стрекозел, новояз), а также иные слова, введенные в обиход определенным автором (манкурт) или переосмысленные им (оттепель). Большая часть таких слов со временем утрачивает связь с источником и сливается с «обычной» лексикой; таковы «робот» Чапека и «самиздат», возникшее, по-видимому, из выражения Николая Глазкова «Самсебяздат». Но «прозаседавшиеся» устойчиво ассоциируются со стихотворением Маяковского, «образованщина» – с именем Солженицына, «сталкер» – с повестью Стругацких «Пикник на обочине» и фильмом Тарковского. И если уж включать в КС отдельные лексические единицы (лексемы), то, конечно, и эти тоже.

Однако различие между областью лексики и фразеологии столь очевидно, что объединять их в единое целое, пусть даже под усовершенствованным наименованием «крылатые единицы», может быть, и не стоит. Лексемы заслуживают выделения в особую группу, вместе с именами собственными всех разновидностей. Довольно близко к ней примыкают краткие перифразы, обозначающие уникальные объекты из области истории, географии, литературы, искусства: «солнце русской поэзии», «Северная Пальмира», «кровавое воскресенье», «прекрасная эпоха», «тюрьма народов», «остров Свободы», «Страна восходящего солнца», «Дорога жизни», «коричневая чума», «отец русской авиации» и т.д. Такие перифразы, в сущности, весьма близки к терминам. Цитатность лексем и «терминологических» перифраз более стерта, чем у единиц более высокого порядка, поэтому в функциональном плане они сравнительно ближе к анонимным речениям. Не случайно именно такой материал преобладает в иноязычных словарях аллюзий.

Другой, пусть и немногочисленный, разряд «однословных» КС – не лексемы, а законченные высказывания: «Бди!» (Козьма Прутков); «Сорвалось!» (Сухово-Кобылин); «Образуется» (Л. Толстой); «Конгениально!» (Ильф и Петров); «Поехали!» (Гагарин). Они построены по правилам синтаксиса и уже не относятся к лексике, но и к фразеологии – тоже, поскольку состоят из одного компонента. Это вполне очевидное обстоятельство не учитывается в классификациях КС [Беркова, 1991 а; Беркова, 1990; Шварцкопф; Шулежкова, 1995].

Еще один непроясненный вопрос: правомерно ли ограничивать «область происхождения» КС определенными видами источников или это совершенно излишне? Почему восходящие к сред-

невековой науке и юриспруденции выражения «философский камень», «терра инкогнита» и т.д. включаются в КС, а восходящие к современной науке «обратная связь», «теория относительности», «черная дыра», как правило, нет? То же относится к формулировкам «из школьного курса»: «От перемены мест слагаемых сумма не меняется», «Если в одном месте убудет, то в другом прибудет», «Круговорот воды в природе» и т.д.

Между тем, если исходить из определения КС, предложенного О. Берковой: «Употребительные в данном языковом коллективе и используемые в качестве лексических единиц краткие цитаты из письменных и устных источников, имеющие определенного автора» [Беркова, 1991 а, с. 8], то к КС должны быть отнесены не только термины с устойчивым переносным значением, но и все остальные, коль скоро их автор известен: «сила всемирного тяготения» (И. Ньютон), «абстрактная композиция» (А. Ван де Велде), «критический реализм» (М. Горький), «ограниченная война (Г. Моргентау), «позитивное мышление» (Н. Пил), «Объединенные Нации» (Ф. Рузвельт).

На практике же, как мы полагаем, действуют *неявно учитываемые критерии*: экспрессивность¹, преобладание метафорического употребления над терминологическим, особая стилистическая окрашенность, освоенность выражения художественной литературой, его значимость в гуманитарной культуре. Возьмем для примера «тараканьи бега» и «бег с препятствиями». Оба выражения исходно – термины, оба могут использоваться как в прямом, так и в переносном значении. Их происхождение устанавливается с наименьшей степенью точности, чем, например, таких выражений, как «шестая держава» или «железный занавес», включенных в «Крылатые слова» Ашукиных. Но «тараканьи бега» легко представить себе в русских словарях КС, а «бег с препятствиями» – едва ли.

В словарь Ашукиных включены «безгрешные доходы» – выражение нелитературного происхождения и не ассоциирующееся с каким-либо определенным литературным источником, зато хоро-

¹ С. Шулежкова, в частности, одним из признаков КС считает «эмоциональную окрашенность», «наличие в их значениях оценочных сем» [Шулежкова, 1995, с. 160].

шо «освоенное» литературой XIX в. Примеров подобного рода можно было бы привести немало.

3. «Говорим – подразумеваем»: второй план «крылатого слова»

Что важнее – наличие объективно установленного источника КС или же представления «широких кругов отечества» об этом источнике?

По мнению О. Берковой, «оценка говорящими “цитатности” какого-либо выражения <...> не может не быть субъективной», поэтому «использовать ее в качестве критерия определения того, какие единицы являются КС, а какие – нет, неправомерно. Если источник данного выражения известен, то нет оснований не считать его КС, как бы ни была “стерта” его “цитатность”» [Беркова, 1990, с. 107]. Выражения типа «один из многих», «с легким сердцем» практически безымянны для среднего носителя языка; и все же «они остаются КС и должны включаться в соответствующие словари» [Беркова, 1991 а, с. 7].

Подобный подход можно назвать формально-этимологическим; это примерно то же самое, что выделить в особый класс лексемы, этимология которых известна филологам. В словаре КС такая установка, пожалуй, оправданна: чем больше установлено атрибуций, тем лучше; запас карман не тянет. Но лексикографы – не демиурги языковых явлений; реальный языковой статус выражения не меняется всякий раз, когда исследователю удастся отыскать достоверный источник или, напротив, установить недостоверность «ходячей» атрибуции.

Исходя из «этимологического» подхода едва ли возможно опровергнуть вывод И. Чернышевой: в синхронистическом плане рассмотрение «крылатых слов» как особой группы «неправомерно, поскольку в структурном и семантическом отношении они не отличаются от других фразеологических выражений» [цит. по: Шулежкова, 1995, с. 16]. Если же КС – содержательная, а не только формальная категория, они должны отличаться особым способом функционирования в языке или, как сказано в одном из справочников, своим «особым положением среди речевых средств» [Лин-

гвистический энциклопедический..., с. 246; курсив мой. – К.Д.]. Чем это «особое положение» обусловлено? «Осознанием индивидуально-авторского происхождения КС» [там же, с. 246], т.е., по сути, «оценкой говорящими “цитатности” данного выражения».

В чем проявляется «особое положение» КС? «Крылатость» (термин, как уже говорилось, малоудачный) следует понимать как «цитатность». Благодаря ей значение «слова как такового» осложняется и обогащается значениями, связанными с его (крылатого слова) источником. Какими именно значениями – это разговор особый.

Я. Боровский пишет о «двоякой семантико-стилистической направленности» КС, поскольку они сохраняют «смысловую связь со своим первоисточником» [Бабичев, Боровский, с. 9].

Б. Шварцкопф в число обязательных признаков КС включает «двуплановость семантической структуры», т.е. подразумеваемую отсылку к контексту-источнику. Степень известности источника выражения колеблется в очень широких пределах, от точного знания автора и источника до «смутного представления о принадлежности цитаты». Соответственно, «степень осознанности этой двуплановости может быть различной», вплоть «до забвения связей с источником выражения» [Шварцкопф, с. 110, 111, 114, 117]. Однако полное «забвение связей», как мы полагаем, переводит КС в разряд безымянной фразеологии.

Тем самым центр тяжести в определении КС перемещается от генезиса к функции: КС есть *выражение, которое устойчиво функционирует как цитата*, хотя «степень цитатности» может варьироваться.

Сходную позицию занимает С. Шулежкова: крылатое выражение, подчеркивает она, «не порывает связи с источником»; это и есть его главное отличительное свойство. «Она-то [связь] и обеспечивает ему “закадровую” глубину, внелингвистическое, “фоновое”, дополнительное к основному значению», некий «семантический довесок» [Шулежкова, 1995, с. 154, 158, 162].

Итак, не всякое выражение, источник которого установлен, можно считать КС: необходимо еще, чтобы у выражения сохранялась *связь* с этим источником. От прочих единиц языка КС отличается не только (а может быть, даже не столько) *генезисом*, сколько *семантикой*: за их «первым планом» непременно виден второй –

«контекста-источника». Если никакого «второго плана» нет, перед нами «обычное» слово, словосочетание, фразеологизм, пусть даже автор достоверно известен. Едва ли функционирует как цитата выражение Виланда «за деревьями не видеть леса». Выражение «Главное – вовремя смыться» большей частью носителей языка уже не воспринимается как «цитатное», хотя источник известен (фильм «Праздник святого Йоргена»). «Ножницы цен», «грызть гранит науки», «политика дальнего прицела» в 1920-е годы еще ощущались как цитаты из Троцкого [Душенко, 1996 б, с. 104–105], тепер же это вполне анонимные речения.

И напротив: если «второй план» присутствует, фактическая достоверность предполагаемого источника не так уж существенна. Коль скоро возникает устойчивая ассоциация между ходячим выражением и (мнимым) источником, выражение *функционально* переходит из разряда анонимных речений в авторские, приобретает признаки цитаты. В синхронистическом плане важна не реальная генеалогия, а «подразумеваемая», хотя бы даже апокрифическая. Выражение «полезные идиоты» уже давно бытует на правах цитаты из Ленина, хотя оно появилось 20 лет спустя после его смерти как анонимное. Нет никаких доказательств того, что франкистский генерал Э. Мола (или кто-либо другой из франкистов) говорил о «пятой колонне», однако обычно выражение приписывается ему или кому-то из его лагеря.

По мнению Шулежковой, «крылатое выражение воспринимается в качестве особого языкового явления до тех пор, пока носители языка не утратили фоновых знаний о связи его с источником, пусть даже минимальных, *на уровне ощущения “цитатности”*, принадлежности к сфере литературы, искусства, определенному историческому лицу и т.д. и *предполагают, что источник установить можно»* [Шулежкова, 1995, с. 159].

В сущности, это как раз и значит, что решающее значение имеет не фактический генезис выражения, а его особая отмеченность («маркированность») в сознании носителей языка и, соответственно, в речи. Но почему то или иное выражение воспринимается как «отмеченное» неким особым образом? В подавляющем большинстве случаев – на основании его эксплицитно выраженных характеристик (форма, значение, стилистическая окрашенность).

Это признает и Беркова: источник некоторых КС не установлен достоверно либо не установлен вообще, однако на их литературное (стало быть, «авторское») происхождение указывают «стилистические, лексические, семантические и иные особенности» [Беркова, 1991 а, с. 6]. Но если одного ощущения «литературности» (мы бы сказали: «цитатности») достаточно для причисления выражения к КС, то придется признать ограниченность «этимологического» подхода, в рамках которого КС, по определению, есть слово или выражение, источник которого установлен.

По общему правилу, чем *распространеннее* выражение, чем оно *короче* и чем оно *старше*, тем меньше оно связано с источником. Это особенно относится к КС из античной литературы, которые по большей части воспринимаются как «речения древних», книжные пословицы и поговорки, либо вовсе не ощущаются как цитаты. Особое положение занимают стихотворные цитаты, а также исторические фразы, ходячие сентенции и афоризмы, т.е. законченные высказывания с ярко выраженной авторской формой. Тут почти автоматически возникают вопросы: а кто это сказал? А откуда это? Это и есть то ядро, которое попадает как в словари КС, так и словари цитат.

Было бы весьма любопытно проследить различные способы маркировки КС, авторство которых ощущается смутно: «как говорили древние», «как сказал классик», «как поется в песне», «как сказал Райкин» (говорящий так вполне может осознавать, что Райкин не писал для себя текстов).

Ограничимся примером из современного триллера: «Впрочем, справедливо говорят, что история не знает сослагательного наклонения. Поэтому бессмысленно рассуждать что было бы, если бы...» [Маринина, с. 283]. И там же [Маринина, с. 300]: «Отрицательный результат – тоже результат». Героиня романа использует ходячие фразы, не зная их автора (не знает, конечно, и романистка); однако фразы эти выступают в роли книжного, «ученого» речения, «анонимной цитаты». Это, конечно, не КС в чистом виде, но какая-то периферийная зона, нечто промежуточное между собственно КС (цитатой, которая ясно осознается как «авторская») и заведомо безымянной сентенцией, будь то народная пословица или разговорное клише.

4. «Крылатые слова» как код национальной культуры

Зададимся наивным, на первый взгляд, вопросом: что дает нам знание источника КС? Какая нам от этого «выгода»? Очень просто, отвечает С. Займовский: знание источника необходимо для правильного понимания цитаты. Например, цитата «Книги имеют свою судьбу» сама по себе «мало дает уму и сердцу», если не знать, что в первоисточнике далее следовало: «...сообразно по тому, как их принимает читатель» [цит. по: Шулежкова, 1995, с. 156].

Но зачем непременно требовать, чтобы КС «много давали уму и сердцу»? Достаточно, чтобы говорящий и слушающий понимали КС одинаково, и тут, по-видимому, знающий исходную форму приведенной выше цитаты не имеет особых преимуществ над незнающим. Кстати: Займовский полагал, что изречение «Все течет» (в отличие от «Книги имеют свою судьбу») ничего не теряет и без знания первоисточника. Как *единица языка* действительно ничего не теряет; как философская формула – теряет очень и очень много. Но в том-то и дело, что литературный язык есть по преимуществу средство общения неспециалистов на неспециальные темы, в противном случае мы имели бы дело с одной из разновидностей научного (например, философского) языка.

Практика не оставляет сомнений в том, что КС очень часто используются без знания автора и (или) источника, но тем не менее в правильном значении. Значение многих КС совершенно ясно и вне исходного контекста; в других случаях оно «вычисляется» по примерам использования данного КС в речи, как и значение прочих общеупотребительных единиц языка с неясной этимологией. Этимология многих пословиц и поговорок весьма темна, что не мешает их совершенно правильному употреблению, а стало быть, и правильному пониманию. Точно так же выражение «перейти Рубикон» («бесповоротно принять ответственное решение») вполне понятно даже без отсылки к литературным источникам и истории Римской республики – как одно из множества выражений с «затемненной внутренней формой».

Я. Боровский признает, что выражение «А Васька слушает, да ест» может употребить, «и притом вполне кстати, человек, не знающий вовсе ни басни, ни ее автора: ведь в том-то и заключается особенность крылатых слов, что они живут в языке самостоятель-

ной жизнью и их общий смысл воспринимается из их употребления наравне со смыслом любого другого фразеологизма». «Но, – продолжает он, – полного понимания общий смысл еще не дает <...>. Ответ приходится искать за пределами самой фразы, а именно в том контексте, которому она принадлежит» [Бабичев, Боровский, с. 3].

Опять-таки, что значит «полное понимание»? Если выражение употребляется «вполне кстати», значит, *в качестве единицы языка* оно вполне понятно; а «полное понимание» предполагает выход за собственно лингвистический уровень. Необходимо ли для «полного понимания» метафор «ход конем», «рокировка», «пешка», «выйти в ферзи» знание шахматных правил или, тем более, стратегии и тактики шахмат? А для «полного понимания» метафоры «черная дыра» – знание соответствующей астрофизической теории? Если так, то «полного понимания» нет почти ни у кого, и КС превращаются в язык для посвященных, в социолект. Но это едва ли верно.

«Многие вошедшие в литературную речь выражения получили новое, не присущее источнику значение», – справедливо указывают Ашукины [Ашукин, Ашукина, 1960, с. 6]. Считать ли, что все эти выражения «употребляются неверно»? Или признать, что, выйдя в автономное плавание, цитата почти неизбежно приобретает новое качество и уже не «равна самой себе»?

Значение КС нередко настолько существенно отличается от исходного (в контексте-источнике), что обращение к источнику лишь затемняет, а не проясняет «собственное» значение КС. С.И. Ожегов даже отказывал фразеологизмам подобного рода в праве именоваться КС, поскольку это уже не цитаты: «Сближение со структурой собственно фразеологии и приобретение “обобщенного” значения, уже не связанного принудительно со значением контекста, из которого они вышли, делает бывшие “крылатые слова” фразеологическими единицами языка» [цит. по: Шулежкова, 1995, с. 202]. Вероятно, Б. Шварцкопф и С. Шулежкова возразили бы на это, что до тех пор, пока сохраняется связь между выражением и его источником, т.е. ощущение *цитатности* выражения, сохраняется и «двуплановость» его семантической структуры; значит, оно остается КС, хотя бы и «стертым».

Нередко одно и то же выражение для одних – безымянный фразеологизм, для других – «анонимная цитата», для третьих – «авторская цитата» из совершенно конкретного источника. Возь-

мем для примера фразу: «Такой хоккей нам не нужен». Для автора данной статьи, смотревшего телерепортажи о встречах сборной СССР с канадскими профессионалами, это высказывание совершенно конкретного лица (телекомментатора Николая Озерова), связанное с совершенно определенным событием (заключительная встреча советских хоккеистов с канадскими профессионалами осенью 1972 г.). Для позднейших поколений это, вероятно, «анонимная цитата» или даже поговорка с неясной этимологией, что, впрочем, не мешает обоюдному пониманию на «минимальном» семантическом уровне. Мы назвали бы это правилом *«наименьшего семантического знаменателя»*.

Повторим, однако, заданный в начале этой подглавки вопрос: что дает нам знание источника КС, если значение КС в языке достаточно понятно и без него? Прежде всего, наличие «второго плана» существенно само по себе, даже безотносительно к его содержанию. КС, по определению, – «чужое слово», а не «общая» и, стало быть, «ничейная собственность» (в отличие от анонимных речений). КС переводит высказывание из «ничейного» пространства языка в «размеченное» пространство культуры, служит подтверждением, знаком того, что говорящий и слушающий пребывают в одном культурном пространстве. Иначе говоря, КС выступают в роли особого *кода – кода национальной культуры* (которая в то же время есть культура европейская, ведущая свое происхождение от античности). Именно таков, как мы полагаем, был замысел «Крылатых слов» Бюхмана, и – рискуем предложить гипотезу – именно поэтому он нашел отклик в кругу сравнительно молодых национальных культур, литературный канон которых сформировался не так давно или еще только складывался.

Первоначально речь шла о принадлежности «широких кругов отечества» к «высокой», книжно-литературной по преимуществу культуре; отсюда ярко выраженная книжно-литературная ориентация Бюхмана, Займовского, Ашукиных. КС, согласно этому пониманию, есть не просто расхожее речение, но речение, получившее апробацию «высокой» национальной культуры – в лице ее классиков. С. Шулежкова справедливо отмечает, что до сих пор «крылатыми словами» занимались в основном филологи-литературоведы, а не лингвисты [Шулежкова, 2002, с. 34]. Однако литературоцентризм

Бюхмана и его русских последователей был, как видим, вполне сознательной, *ценностной* установкой.

Именно поэтому в словари КС не включалось множество цитатных речений, заведомо общеизвестных, зато включались цитаты, известные достаточно ограниченному кругу филологов, литературоведов, историков. Тут была своя система. Неявно учитывались критерии *значимости, ранга цитаты* в культуре.

О. Беркова называет КС «золотым фондом мировой и национальной культуры», для которого «народ отобрал <...> лишь то, что соответствует его представлениям об истине, справедливости, добре, прекрасном, выражает его чаяния, совместимо с его понятием о человеческом достоинстве, удовлетворяет его требованиям выразительности, емкости и не в последнюю очередь – чувству юмора» [Беркова, 1990, с. 101–102]. А как же быть с такими выражениями, как «Человек человеку волк», «Разделяй и властвуй», «Пушки вместо масла»? Они, полагает Беркова, «используются особым образом – с осуждением, иронически и т.д.» [там же, с. 12].

Это – ярко выраженный нормативный подход. КС, в сущности, делятся на «соответствующие представлениям народа» и «не соответствующие», «правильные» и «неправильные». Понятие «народ» здесь оценочное, идеологизированное, не говоря уж о том, что КС цитируются не «народом», а конкретными авторами, принадлежащими по преимуществу к «литературно образованным кругам». Входят ли в «золотой фонд» цитаты: «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет», «Убийцы в белых халатах», «Есть такая партия!», «Реклама – двигатель торговли»? В определенном смысле – да, но, конечно, не в качестве «отобранных народом» жемчужин мысли и языка. «Особым образом» могут использоваться *любые* КС, а вовсе не только «неправильные». Ироническое переосмысление – самый обычный способ использования КС, особенно в наше время.

Итак, первоначально КС служили символом принадлежности к «высокой» культуре; ныне они всё чаще обозначают принадлежность к общей (для носителей языка) массовой культуре, однако *тоже* авторской (как бы ни менялось понятие авторства) и *тоже* помещенной в историческом времени, в отличие от традиционной, «донациональной» фольклорной культуры.

Чем точнее представление об источнике КС, тем больше возникает ассоциаций, общих для всех, кто причастен к национальной культуре, – ассоциаций, связанных с образом автора, жанром источника, исходным контекстом КС, мелодией песни и т.д. Это не столько позволяет лучше *понять* КС (повторим: основное значение КС, как правило, понятно и без того, иначе КС не могло бы функционировать в качестве единицы языка), сколько обеспечивает эффект «многомерности» высказывания, повышает его экспрессивность, создает напряжение между двумя различными точками культурного поля, что как раз и делает КС незаменимым выразительным средством языка.

Это особенно заметно на примере КС, не обладающих строго фиксированным значением: «Все флаги будут в гости к нам», «По морям, по волнам». «Функция крылатого выражения в примерах такого типа, – замечает Б. Шварцкопф, – носит явно *орнаментальный* характер», приводит в действие «ассоциативный механизм сцепления» [Шварцкопф, с.116]. Нечто подобное имеет в виду С. Шулежкова, говоря о «*контактоустанавливающей*» функции КС. «Включая крылатые выражения в устную или письменную речь, носители языка очень часто не преследуют особых прагматических целей», а используют их в качестве «средства для словесной игры» [Шулежкова, 1995, с. 173, 190].

5. От «крылатого слова» к штампу

С. Шулежкова выделяет три этапа превращения цитаты во фразеологизм («фразеологизации»): 1) цитирование со ссылкой на источник; 2) цитирование без ссылки на источник; использование в качестве заголовка; 3) прямое («невыделенное») включение в речь на правах обычно фразеологической единицы [Шулежкова, 1995, с. 183–184].

Утратив связь с источником, КС может стать поговоркой, особенно если ее литературное происхождение неочевидно. Скажем, выражение «Мы пахали» в XIX в. было цитатой, теперь же это поговорка, совершенно независимая от басни И. Дмитриева, о которой мало кто слышал. (Автор данной статьи считал «Мы пахали» анонимным речением до тех пор, пока не заглянул в «Кры-

латые слова» Ашукиных.) Это явление можно было бы назвать *фольклоризацией цитаты*.

Чаще, однако, интенсивная эксплуатация КС превращает его в штамп, в клише, после чего выражение уходит «из числа активных языковых средств» [Шулежкова, 1995, с. 203]. Штамп – это образ, но стертый, заигранный; его образность «работает вхолостую» [Дмитриева, с. 107]. Например, «зеленый друг» – выражение из статьи Леонида Леонова 1947 г. – сначала было цитатой, авторским речением, но скоро «выродилось» в анонимный штамп, неотличимый, скажем, от «белого золота». Формула «разброд и шатания», по-видимому, еще в 1940-е годы воспринималась как цитата то ли из Ленина, то ли из «Краткого курса»¹. Но когда мы читаем: «Внутри банды начались разброд и шатания» [Модестов, с. 368], – то едва ли здесь скрыта отсылка к Ленину или к истории ВКП (б); перед нами просто клише.

Для последних десятилетий чрезвычайно характерно использование КС в «орнаментальных», «игровых», «контактоустанавливающих» целях. Отсюда – феномен «*фразеологических серий*», т.е. оборотов, «серийно» создаваемых по образцу общеизвестного речения. Множество примеров таких серий приведено в работах С. Шулежковой; вот один из них: «С чего начинается семья», «С чего начинается песня?», «С чего начинается космос?», «С чего начинается беспредел?» и т.д. Чисто «орнаментальная» функция всех этих перефразировок вытекает уже из того, что замене подвергается «именно ключевой в семантическом плане компонент» исходного КС – слово «Родина» [Шулежкова, 1995, с. 172–173]. «Серийность <...> с одной стороны, свидетельствует о высокой степени освоенности крылатого выражения, с другой – сигнализирует о возможной его “гибели”» [там же, с. 176–177].

Отметим важную особенность таких серий: они состоят большей частью из *заголовков*, перефразирующих *другой заголовок*. Заголовок превращается в особый – «игровой» – литературный жанр. Приведа серию заголовков, построенных по образцу КС «Легко ли быть молодым?», Шулежкова замечает: «За моделью

¹ Это – «сводная» цитата из нескольких ленинских работ [см.: Душенко. Русские политические..., с. 34].

“Легко ли быть” + имя в тв. п ед. ч. стоит *память о фильме* и сема “трудно, сложно быть кем-то”» [Шулежкова, 1995, с. 172–173].

Позволим себе уточнить: не о фильме, а лишь о *названии* фильма. Название выступает в роли совершенно самодостаточного текста: знать что-либо о фильме, кроме названия, совершенно излишне; не обязательно даже знать, что это название именно фильма, а не книги, спектакля или знаменитой статьи (типа «Берегите мужчин»). Точно так же заголовок «Акцент почти не слышен» («Книжное обозрение», 1996, № 37) отсылает не к книге В. Ардаматского «“Сатурн” почти не виден», а именно к заголовку как вполне самостоятельному речению.

В «предельном» случае от исходного КС остается лишь грамматический (и часто – *ритмический*) каркас, а все или почти все значимые слова подвергаются замене, например:

«Этот трудный народ подростки» (образец: «Это сладкое слово свобода»);

«Этот свободный, свободный, свободный, свободный секс» (образец: «Этот безумный, безумный, безумный мир»);

«Такой активный пассивный съезд» (образец: «Такая короткая долгая жизнь») [примеры взяты из: Шулежкова, 1994, вып. 4, с. 67, 68].

В последнем случае сохранена бинарность семантической оппозиции («короткая» – «долгая»; «активный» – «пассивный») при полной замене семантики.

Исходное КС в подобных случаях выступает не в роли содержательного высказывания, а в роли *крылатой* (т.е. цитатной) *грамматической модели*. От обычной она отличается тем, что восходит к единичному, «авторскому» высказыванию и при всех трансформациях сохраняет «память» о нем. Это сравнительно новое в языке явление. Мы видим в нем своего рода мутацию, «вырождение» кода национальной (и наднациональной) культуры, отныне уже не «высокой», а массовой.

6. Состав и источники фонда «крылатых слов»

Можно ли оценить объем и состав фонда КС современного русского языка?

С. Шулежкова, взяв за исходную базу существующие словари КС и собственную картотеку (более 1000 единиц, преимущест-

венно советского времени), дает цифру 3140 единиц – без учета КС из зарубежного фольклора, современной науки и публицистики [Шулежкова, 1995, с. 127].

Эти цифры, однако, едва ли могут служить даже ориентировочной оценкой ввиду крайней неопределенности критериев отбора КС. Достаточно сказать, что в «Русской речи и мысли» М. Михельсона (1902) учтено 300 с лишним библейских выражений, у Ашукиных (1955) – в полтора раза меньше, а по данным Н. Горбачева (1991), в русском языке имеется около 700 крылатых выражений из Библии [см.: Шулежкова, 1995, с. 37]. Очевидно, что в отношении не столь давно укорененных в культуре и не столь компактных источников разброс будет еще больше. Так, у Ашукиных отмечены только 18 КС из Маяковского, в словаре И. Уолш и В. Беркова – уже 85; между тем, согласно О. Берковой, Маяковскому принадлежит около 30% КС, восходящих к советской литературе, а это никак не меньше полутора сотен [см.: Шулежкова, 1995, с. 71].

Поэтому приводимые Шулежковой с точностью до единицы (!) данные о вкладе разных авторов в фонд КС русского языка (Гоголь – 54 единицы, Салтыков-Щедрин – 50, Чехов – 21 и т.д.) [см.: Шулежкова, 1995, с. 70], отражают не столько некую объективную реальность, сколько состояние лексикографической практики. Можно не сомневаться, что при ближайшем рассмотрении фонд КС – как бы узко ни понимать этот термин – окажется много больше, а удельный вес различных источников заметно изменится (не сомневаюсь, в частности, что «вклад» Чехова занижен в несколько раз).

Сообщая, что у Ашукиных Блок представлен только двумя (!) выражениями, Тютчев – одним, Шулежкова оставляет это примечательное обстоятельство без комментариев [Шулежкова, 1995, с. 73]. А ведь в «Крылатых словах» нет даже цитаты «Умом Россию не понять»; о десятках безусловных КС из Блока мы уж не говорим. «Лермонтов оставил русскому языку 20 крылатых единиц», – пишет Шулежкова [Шулежкова, 1995, с. 69], ссылаясь на журнал «Русский язык в школе», где даны 22 цитаты из Лермонтова, и это при том, что пропущены такие очевидные КС, как «И звезда с звездой говорит», «Злой чечен ползет на берег...», «Страна рабов, страна господ».

Как отделить «ядро» фонда КС от «периферии»? На каких весах измерить различие между КС, популярной цитатой, заезженным штампом? Насколько оправданно включение в состав КС выражений, сфера бытования которых существенно ограничена? До тех пор, пока нет достаточно убедительного ответа на этот вопрос, любые количественные подсчеты крайне условны.

Из каких источников берутся КС? Для языков европейского ареала Беркова называет следующие источники: Библия, античная культура, мировая (классическая) литература, история, публицистика, философия, национальная литература, фольклор, искусство [Беркова, 1991 а, с. 4, 13]. А Шулежкова дает таблицу распределения КС по источникам, составленную на базе уже упомянутых 3140 КС: искусство (32%), художественная литература и публицистика (29%), Библия (22%), русский фольклор (5%), античная культура (5%), история России и мировая история (3%) [Шулежкова, 1995, с. 127]. Во 2-м издании той же книги аналогичная таблица дается на материале словарей крылатых слов, составленных Шулежковой или при ее участии: синтетические виды и жанры искусства (32%), художественная, научная и публицистическая литература (29%), сакральные христианские тексты (22%) [Шулежкова, 2002, с. 168].

Все эти классификации логически уязвимы. Что значит «история» в этом ряду? Область словесности или сами исторические явления? Неясно соотношение между «искусством» и «фольклором» – куда отнести песенный фольклор? «Античная культура» едва ли может стоять в общем ряду с «художественной литературой», «искусством» и «мировой историей». «Искусство» едва ли может рассматриваться как некое единство наподобие Библии или «сакральных христианских текстов»; это категория в высшей степени неоднородная. А куда отнести драматический театр – к искусству или литературе?

7. «Крылатые слова» и канон национальной культуры

Согласно изложенному выше подходу, всякое КС есть в большей или меньшей мере цитата, отсылающая к тексту-источнику. Но возможность такой отсылки предполагает, что

источник общеизвестен, иначе говоря, входит в *канон национальной культуры*, будь то официальный, нормативный (школьный) канон или неофициальный (современный фольклор, массовая культура). Канон есть совокупность «базовых текстов культуры», знание которых предполагается обязательным или хотя бы весьма вероятным – как условие полноценного участия в культурной коммуникации. И, следовательно, это тексты, *регулярно воспроизводимые* в данной культуре.

В каноне современной культуры можно выделить следующие основные пласты:

1) фольклорный канон (который отчетливо делится на традиционный и современный);

2) «классический» книжный (условно говоря, «школьный») канон: Библия, античность, отечественная и иностранная классика; то, что должен знать «каждый образованный человек»;

3) канон массовой культуры;

4) субканоны различных социально-культурных групп (один из таких субканонов – «шахматные» цитаты – рассмотрен ниже в особой статье).

«Нормативный» канон национальной культуры весьма велик; он включает в себя основные произведения национальной и отчасти – мировой классики. Но «реальный» канон, существующий в коллективном сознании носителей языка, представляет собой сумму сравнительно небольших фрагментов, которые *в принципе* могут быть воспроизведены «широкими кругами отечества» или хотя бы «литературно образованными кругами». «Некоторые произведения великих поэтов <...> почти целиком стали цитатами», – замечают авторы польского словаря КС [Markiewicz, Rotapowski, s. 8]. Это ограниченный (хотя и весьма большой) запас готовых формул из потенциально необозримого множества. Сами же КС составляют «надводную», наиболее заметную часть канонических (в данном случае – вербальных) текстов культуры.

Прочитируем классика: «Он знал довольно по-латыне, / Чтоб эпиграфы разбирать, / Потолковать об Ювенале, / В конце письма поставить *vale*, / Да помнил, хоть не без греха, / Из Энеиды два стиха». В таком объеме Онегин знал «базовый» для его эпохи канон классической древности, а из более поздней истории и словесности «хранил в памяти» прежде всего «дней минувших анекдо-

ты», т.е. характерные, любопытные, занимательные случаи и происшествия, часто связанные с «исторической фразой» или знаменитой остротой («mot»). Этого оказывается совершенно достаточно для полноценного участия в культурной коммуникации.

Повторим еще раз: всякая отсылка предполагает знание канона. Если текст-источник выпадает из канона, КС («авторская» цитата) мало-помалу сближается с анонимным речением, безымянной сентенцией. Именно это произошло с уже упоминавшейся басней Дмитриева «Муха», откуда взята поговорка «Мы пахали». «Муха» давным-давно не входит к школьный (и «внешкольный») канон, а басни Крылова – входят, и фраза «Кукушка хвалит петуха» по-прежнему воспринимается как цитата.

Пример из более позднего времени: «чапаевские» цитаты ассоциируются с фильмом (а не только с названием фильма), так как сам фильм не выпал из «массового» киноканона и регулярно «воспроизводится» по ТВ, собирая немалую аудиторию. Но фраза «А если бы он вез патроны?» уже перестает ассоциироваться с фильмом-источником, хотя ее авторское (не фольклорное) происхождение, по-видимому, ощущается достаточно ясно.

Крылатое выражение устойчиво не только потому, что оно часто повторяется *в речи*, но еще и потому, что оно регулярно воспроизводится вместе со своим печатным или аудиовизуальным *источником*, – десятки, сотни, даже тысячи раз. Таким источником может быть стихотворение, ария, песня, плакатный или рекламный текст, эстрадная сценка, кинодиалог. Возможность массового, многократного и совершенно унифицированного воспроизведения вербальных и невербальных текстов культуры – атрибут новейшего времени. В прежнее время нечто подобное (хотя и не с такой степенью унификации) происходило только с богослужебными текстами, основной корпус которых, однако, был ограничен, почти неизменен, а «срок жизни» измерялся по меньшей мере столетиями. Теперь же процесс возникновения КС «может завершиться в течение нескольких месяцев» [Шулежкова, 1995, с. 184].

Эволюция культурного канона идет в направлении все большей его атомизации. Исходный «контекст-источник» все больше ужимается, в пределе – почти до нуля. Наиболее яркое выражение эта тенденция нашла в политических и рекламных лозунгах, которые обособились в совершенно самодостаточные тексты.

О выделении названий и заголовков в некий псевдожанр мы уже говорили.

Шулежкова справедливо пишет о «смене литературоцентристского типа зрелищецентристским» [Шулежкова, 1995, с. 29]. Не менее существенно то, что одновременно культурный канон подвергается «массовизации» и «снижению». Еще во времена Бюхмана существовала достаточно четкая *иерархия текстов культуры*: на первом месте античность и Библия, затем европейская и национальная классика, потом всё остальное. Разрушение этой иерархии можно проследить по поздним версиям его книги, которая в переработанном виде издается по сей день; в 1990 г. вышло 37-е издание.

А в «неофициальный» канон современной русской культуры, кроме текстов, принадлежащих массовой культуре, входят также тексты некоторых частушек, «невторских» песен, наконец, анекдотов. По своей известности и цитируемости фраза «Чукча не читатель, чукча писатель» не уступит цитатам из «Горя от ума».

Статья в «Московской правде» от 21 сентября 1996 г. озаглавлена: «Голубые не только ели, но и акулы». Говорится в ней об акулах, и только; заголовок же отсылает к анекдоту из «штирлицевской» серии¹. Тем самым предполагается, что анекдот хорошо известен среднему читателю средней (и достаточно консервативной) городской газеты. Едва ли так оно и есть на самом деле; знаменательна, однако, сама возможность появления подобного заголовка.

Список источников

- Афонькин Ю.А.* Русско-немецкий словарь крылатых слов. – М.; Лейпциг: Русский язык, 1985. – 287 с.
- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд. – М.: Худож. лит., 1960. – 752 с.
- Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – 2-е, доп. изд.; [6-е изд]. – М.: Современник, 1996. – 560 с.

¹ «Вдали Штирлиц увидел голубые ели. Подойдя ближе, он увидел, что голубые не только ели, но и пили».

- Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь латинских крылатых слов. – М.: Русский язык, 1982. – 958 с.
- Беркова О.В.* Крылатые слова и проблемы их лексикографирования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л.: ЛГУ, 1991 а.–16 с.
- Беркова О.В.* К определению понятия «Крылатое слово» // *Общая стилистика: Теоретические и прикладные аспекты.* – Калинин, 1990. – С. 100–111.
- Беркова О.В.* Типология цитации крылатых слов. – Л., 1991 б. – 27 с. – Деп. в ИНИОН РАН 11.02.91, № 43 889.
- Дмитриева О.Л.* К проблеме формирования пакета «штампы и клише» // *Фразеография в Машинном фонде русского языка.* – М.: Наука, 1990. – С. 104–110.
- Душенко К.В.* Ашукины дополненные и усеченные [Рец.] // *Книжное обозрение.* – М., 1996 а. – № 45. – С. 5. – Рец. на кн.: *Аиукин Н.С., Аиукина М.Г.* Крылатые слова. – М.: Современник, 1996. – 560 с.
- Душенко К.В.* Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: Что, кем и когда было сказано. – М.: Юрист, 1996 б.–240 с.
- Займовский С.Г.* Крылатое слово: Справочник цитаты и афоризма. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 492 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
- Маринина А.* Не мешайте палачу. – М.: ЭКСМО, 1996. – 406 с.
- Модестов Н.С.* Москва бандитская. – М.: Центрполиграф, 1996. – 400 с.
- Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1972. – 496 с.
- Уоли И.А., Берков В.П.* Русско-английский словарь крылатых слов. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1988. – 282 с.
- Шварцкопф Б.С.* Основные параметры описания крылатых выражений современного русского языка // *Фразеография в Машинном фонде русского языка.* – М.: Наука, 1990. – С. 110–117.
- Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения из области искусства: Материалы к словарю. – Вып. 1. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. пед. ин-т, 1993. – 94 с.; Вып. 2. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. пед. ин-т, 1993. – 156 с.; Вып. 3. – Челябинск: ЧГПИ «Факел», 1994. – 132 с.; Вып. 4. – Челябинск: ЧГПИ «Факел», 1994. – 162 с.
- Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – Челябинск: ЧГПИ «Факел», 1995. – 223 с.
- Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2002. – 288 с.

* * *

Markiewicz H., Romanowski A. Skrzydlate słowa. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1990. – 1213 s.

РУССКО-СОВЕТСКИЙ «КИНЕМАЛОГОС»: КИНО КАК ИСТОЧНИК РЕЧЕВОГО ФОЛЬКЛОРА¹

Уже в середине 1930-х годов повседневная речь русскоязычного населения СССР была насыщена десятками устойчивых языковых формул, заимствованных из популярных кинофильмов. Эти формулы «составили новый специфический пласт авторских изречений, заметно потеснивших в массовом речевом обиходе традиционные литературные и фольклорные паремии» [Ханютин, с. 45]. Между тем проблема киноцитат до самого недавнего времени рассматривалась как факультативная и явно второстепенная в сравнении с изучением цитации литературных текстов [Елистратов, с. 3].

В самый известный русский справочник по крылатым словам Ашукиных (1-е изд.: 1955) включена лишь одна кинореплика: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», да еще название фильма «Путевка в жизнь» [Ашукин, Ашукина, с. 60, 341].

В работе С.Г. Шулежковой о крылатых словах из области кино и телевидения представлено 80 «крылатых» названий фильмов и телепередач, 5 имен киноперсонажей и только 18 реплик из кино- и телефильмов [Шулежкова]. Это можно объяснить тем, что главным источником для нее была пресса; а обыгрывание известных названий – дежурный прием журналистов. Примерно теми же словарными статьями представлен кинематограф в большом словаре крылатых слов, составленном при участии Шулежковой [Берков, Мокиенко, Шулежкова].

Киновед А.Ю. Ханютин, в отличие от Шулежковой, в своем исследовании ориентировался исключительно на устную речь. Он

¹ Впервые опубликовано в журн.: *Культурология: Дайджест*. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – № 2. – С. 118–122. Перепечатывается с незначительными изменениями.

составил список 166 «наиболее употребительных паремий, имеющих кинематографическое происхождение», т.е. ходячих киноцитат. «Цитатных» названий фильмов здесь всего 4, а не 80, как это было у Шулежковой. Паремии такого рода возникли еще в эпоху немого кино. Их источником были надписи, передававшие реплики персонажей фильмов, таких как «Мисс Менд» или «Процесс о трех миллионах» [Ханютин, с. 45, 49].

Согласно Ханютину, отбор и бытование кинопаремий осуществляется на уровне рядовых поклонников популярного фильма. «За пределами аудитории, непосредственно знакомой с фильмом, производится дополнительный, еще более жесткий отбор, в ходе которого в языке оседает несколько паремий, практически утративших связь с киноисточником» [Ханютин, с. 47]. Чтобы определить, какие именно киноцитаты вошли во всеобщее употребление, нужны были бы массовые паремиологические эксперименты; не имея подобной возможности, Ханютин ограничился опросом небольшой группы экспертов.

В 1-м издании моего «Словаря современных цитат» [Душенко] около 350 единиц составляют реплики из кинофильмов, причем почти все это – фильмы, снятые на русском языке; доля иностранных фильмов и фильмов «национальных киностудий» крайне невелика.

В 1999 г. появилось первое монографическое исследование ходячих киноцитат [Елистратов]. Автора словаря интересовали лишь крылатые слова, вошедшие в устную речь. Советско-российский кинематограф для него – прежде всего «лингво-этнографический феномен», «неотъемлемая часть народного фольклора XX века» [Елистратов, с. 7].

Елистратов видит глубинную связь между русским (советским) кинематографом XX века и традицией русской культуры. Эта связь выражается в лингвоцентризме русской культуры, ее «сосредоточенности на Слове, Логосе» [Елистратов, с. 6]. Очень «словесны» русские живописцы. «Литературное комментирование картин передвижников – традиционный элемент школьной дидактики» [там же, с. 5]. Точно так же кинематограф советской эпохи – «это скорее даже не кинематограф, а кинемалогос». В центре российско-советского кинематографа – прежде всего языковая личность актера – Бабочкина, Броневого, Леонова, Луспекаева и дру-

гих. В 90-е годы эта эпоха уже позади. «Логос покинул сферу кино» и ушел в область политической риторики, риторики шоу-бизнеса, рекламы, рок-текстов [там же, с. 5–6].

Масштабы фольклоризации кинотекстов в России, полагает Елистратов, уникальны. «Таких масштабов цитации нет и не было ни в одном языке» [Елистратов, с. 6]. Однако, судя по англоязычным словарям цитат [Cohen; Jarski], киноцитаты составляют заметную часть общего массива ходячих речений, особенно в США. Во времена «золотого века Голливуда» это явление, надо полагать, было выражено еще более отчетливо.

В словаре Елистратова около 2000 фраз. «Реальный объем киноречений, вошедших в повседневную речь, в несколько раз больше», – считает автор [Елистратов, с. 7]. Так ли это на самом деле?

Окончательный отбор материала для словаря Елистратова производился путем опроса около 80 «активных кинолюбов» различного возраста и из разных социальных групп. Но соответствуют ли речевые установки «активных кинолюбов» установкам прочих носителей языка? Вот что пишет по этому поводу Ханютин: «Особую опасность для коллекционера кинопаремий представляют информанты, относящиеся к категории знатоков-киноманов. <...> В узких кругах таких ценителей механизм отбора цитат почти не действует. Авторитет “жреца” тем выше, чем больше сегментов текста он может процитировать. <...> По существу, знатоки и “жрецы”, подвизающиеся в сфере массовой культуры, смыкаются с поклонниками самых эзотерических текстов. И для тех, и для других обмен цитатами является средством социальной идентификации. <...> Общеизвестный текст, призванный интегрировать аудиторию, начинает в этом случае работать на ее дифференциацию» [Ханютин, с. 47].

Многие студентки (опрос делался в 1996 г.) знают почти наизусть «Формулу любви», замечает Елистратов, хотя есть и «всенародно» любимые фильмы, например, гайдаевские комедии [Елистратов, с. 8]. «Каждая микросреда (класс в школе, компания студентов, какая-либо профессиональная корпорация и т.д.) <...> культивирует свою эстетику киноцитации, в целом создавая общее национальное «поле микрофолькlorов» [Елистратов, с. 8].

В указателе кино- и телефильмов к словарю Елистратова насчитывается 174 названия, а если исключить стоящий особняком телефильм «Люди и манекены» (в сущности, это антология миниатюр А. Райкина) – 173 названия. К 58 фильмам имеется более 10 отсылок (это не равнозначно числу «крылатых слов»: на одной странице может быть более одной цитаты из данного фильма). Из них 32 – комедии; 13 – киносказки, включая мультипликационные; 11 – военно-приключенческие и историко-приключенческие фильмы, обычно – с заметной комической составляющей.

Если же распределить 40 наиболее цитируемых игровых нетелевизионных фильмов по хронологическим периодам, то получим следующие результаты: 1934–1947 гг. – 14 фильмов; 1948–1964 – 3 фильма (!!!); 1965–1975 гг. – 22 фильма; после 1975 – 1 фильм. За 1976–1984 гг. в списке 58 наиболее цитируемых значатся 5 телевизионных фильмов, из них 3 – «сказки для взрослых» Марка Захарова. Ни один игровой, анимационный или телевизионный фильм, снятый после 1984 г. (год выхода на телеэкран «Формулы любви»), уже не попал в этот список.

Эти выводы подтверждаются данными Ханютина. Если учитывать только игровые нетелевизионные отечественные фильмы, то в его списке «кинопаремий» на 1934–1947 гг. приходится 46 единиц, на 1948–1964 гг. – 11, на 1965–1973 гг. – 88, а на все позднейшие годы – 4 [см.: Ханютин, с. 49–55].

Итак, вплоть до середины 1960-х годов основной запас киноцитат давали фильмы «сталинской эпохи», вышедшие на экран между 1934 и 1947 гг., и лишь затем на первый план вышли фильмы «новой комедийной волны». При этом великая эпоха российско-советского «кинемалогоса» закончилась, по-видимому, не в 1990-е годы, а гораздо раньше – около 1975 г.

Предельно схематизируя, можно сказать, что в 1930–1940-е годы в центре русско-советской популярной культуры стоял «коллективный Александров» (создатели александровских кинокомедий); затем, вплоть до середины 60-х годов, – «коллективный Райкин» (А. Райкин плюс авторы его миниатюр); а с середины 60-х и до конца 70-х годов – «коллективный Гайдай».

Список источников

- Аиукин Н.С., Аиукина М.Г.* Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. – [6-е изд.]. – М.: Современник, 1996. – 560 с.
- Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.* Большой словарь крылатых слов русского языка. – М.: Астрель: АСТ, 2005. – 624 с.
- Душенко К.В.* Словарь современных цитат: 4 300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. – М.: Аграф, 1997. – 632 с.
- Елистратов В.С.* Словарь крылатых слов: (Русский кинематограф). – М.: Русские словари, 1999. – 181 с.
- Ханютин А.Ю.* 166 наиболее употребительных паремий, имеющих кинематографическое происхождение // Киноведческие записки. – М., 1993. – Вып. 19. – С. 45–54.
- Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения из области искусства: Материалы к словарю. – Челябинск: Магнитогорский гос. педагог. ин-т, 1994. – Вып. 4. – 162 с.
- * * *
- Cohen J.M., Cohen M.J.* The Penguin Dictionary of Twentieth-Century Quotations. – London: Penguin Books, 1995. – 640 p.
- Jarski R.* Wisecracks [Great lines from the Classic Hollywood era]. – London: Prion Books, 1998. – 288 p.

ШАХМАТЫ КАК ОБЛАСТЬ ЦИТАТНОГО ТВОРЧЕСТВА

Наряду с «большим» цитатным каноном национальной и европейской культуры существует множество «малых» канонов, остающихся принадлежностью тех или иных социально-культурных групп. Примером могут служить шахматы как сфера культуры.

Шахматы родились как игра. В новейшее время она стала еще и спортом. Но едва ли не с самого начала в этой игре видели нечто большее – своего рода искусство, причем искусство, основанное на теоретических знаниях. Шахматы можно рассматривать как специфическую область культуры – с собственной эстетикой (представления о которой менялись со временем), собственной историей и собственными великими творцами, начиная по крайней мере с Филидора (конец XVIII в.). В этой истории, как и в истории «большой» культуры, также сменяются господствующие стили и направления. Не случайно одно из них, родившееся в первые десятилетия XX в., было названо «гипермодернизмом», по аналогии с современными ему художественными течениями.

Важную роль в шахматной культуре играют вербальные формулы, часто цитируемые в устной речи шахматистов, шахматных книгах и комментариях к партиям. Многие из этих формул имеют достоверного автора, другие приписываются тому или иному лицу с большей или меньшей степенью вероятности, третьи остаются анонимными. Ниже мы рассмотрим наиболее известные формулы, принадлежащие к первым двум категориям – своего рода «крылатые слова» шахматной (по преимуществу интернациональной) культуры.

1. Слишком серьезно для игры, слишком легкомысленно для науки

Это определение шахмат включено в «Лексикон прописных истин» Гюстава Флобера: «Trop sérieux pour un jeu, trop futile pour une science» (*франц.*) [Flaubert, p. 369]. «Лексикон...» был начат ок. 1850 г., опубликован посмертно в 1913 г. Задумывался он как собрание ходячих банальностей, а значит, к середине XIX в. это определение вышло за пределы собственно шахматной культуры.

Обычно оно приписывается Моисею (Мозесу) Мендельсону (1729–1786), еврейско-немецкому просветителю. Его частым партнером в шахматах был Готфрид Лессинг, центральная фигура немецкого Просвещения; самого Мендельсона называли в Германии «еврейским Лессингом».

Самый ранний известный мне случай цитирования этого высказывания встречается в книге Гирша Зильбершмидта «Гамбит, или Нападение и защита против гамбитных начал» (1829):

«Мозес Мендельсон говорил о шахматах: “Как игра это слишком серьезно, как серьезное дело – слишком игра” (*нем.* “Als Spiel ist’s zu viel Ernst, und als Ernst zu viel Spiel”). И в другой раз: “В них слишком много науки, чтобы быть игрой, и слишком много игры, чтобы быть наукой” (“Als Spiel ist’s zu viel Wissenschaft und als Wissenschaft erfordert es zu viel Spiel”))» [Silberschmidt, S. 219].

Иногда эту мысль приписывали также Лессингу, например, в анонимной немецкой брошюре, переведенной с английского под загл. «Война между белой и красной розой, или Описание новой упрощенной шахматной игры» (1832): «...Уже Лессинг сказал <...>: “Это слишком серьезно для игры, и слишком игра, чтобы быть чем-то серьезным”» [Der Krieg., S. 3]. (Английского оригинала брошюры мне обнаружить не удалось.)

2. Угроза сильнее ее исполнения

Это, безусловно, самое шахматное известное изречение, приобретшее значение универсальной мудрости. Чаще всего оно приписывается гроссмейстерам Зигберту Таррашу (1862–1934) или Савелию Тартакову (1887–1956).

Ранняя формулировка этого принципа содержалась в книге английского автора Джеймса Мейсона «Искусство шахмат» (1897): «Угроза <...> размена или занятия какого-либо важного пункта часто гораздо действеннее, чем ее немедленное исполнение» («A threat <...> is often far more effective than its actual execution») [Mason, p. 180]. (Цитата указана английским историком шахмат Эдвардом Винтером [Winter. A Nimzowitsch Story].)

Однако в своем нынешнем виде этот принцип был сформулирован на немецком языке: «Die Drohung ist stärker als die Ausführung». В печати он появился, по-видимому, в 1905 г., в сборнике партий международного шахматного турнира в Бармене (Германия), составленном австрийским журналистом и шахматистом Георгом Марко: «В том-то и состоит одна из самых больших тонкостей современных шахмат, которую кратко можно выразить так: Угроза сильнее ее исполнения» [Marco, p. 232].

Чуть позже Марко назвал автором этого принципа Карла Эйзенбаха (1836–1894) – австрийского шахматиста, секретаря Венского шахматного клуба (в газ. «Wiener Schachzeitung», март–апрель 1908). «Эйзенбаховским» этот принцип назван также в следующем номере «Венской шахматной газеты» (май–июнь) [Winter. A Nimzowitsch Story].

С этой формулой связан известный шахматный анекдот (возможно, имеющий реальное основание) об Ароне Нимцовиче (1886–1935), который в 1920-е годы был одним из основных претендентов на шахматную корону. Нимцович не выносил табачного дыма. Согласно наиболее распространенной версии, один из его противников перед игрой демонстративно положил рядом с собой сигару. Нимцович заволновался, проиграл партию и пошел жаловаться главному судье. Тот объяснил, что противник Нимцовича вообще не курит. Нимцович ответил: «Тем хуже! Вы, как шахматист, должны знать, что угроза сильнее ее исполнения» [Winter. A Nimzowitsch Story].

3. Жизнь слишком коротка для шахмат

Эта фраза – единственное, что осталось от творчества английского драматурга Генри Джеймса Байрона (1835–1884). Она

взята из его комедии «Наши мальчики» («Our Boys»), поставленной в Лондоне 16 января 1875 г. и выдержавшей 1362 представления за 4 года и 4 месяца – мировой рекорд, побитый только «Теткой Чарлей» Брэндона Томаса в 1892 г.

В начале пьесы тетка шалопая Толбота беседует со своим племянником, вернувшимся из трехлетнего путешествия по Европе:
«– Я так рада видеть вас снова. Мы проведем приятный вечер за игрой в шахматы.

– Во что?

– В шахматы, ведь это царица игр.

– Вы называете это *игрой*? Ха-ха! Нет уж, увольте; жизнь слишком коротка для шахмат (Life's too short for chess)» [Byron, p. 126].

В XX в. старое изречение было дополнено: «Говорят, что жизнь слишком коротка для шахмат. Но это изъян не шахмат, а жизни (...that is the fault of life, not chess)». Ранние примеры цитирования этого высказывания (как анонимного) относятся к 1937 г. Чаще всего оно приписывается американскому шахматисту Уильяму Эварту Нейпиру (1881–1952) – по всей вероятности, безосновательно [Winter. «Life's too short...»].

4. Лучше иметь плохой план, чем не иметь никакого

Обычно это изречение цитируется как шахматная мудрость. Но, вероятно, впервые оно появилось в «Энциклопедии садоводства» шотландца Джона Клаудиуса Лаудона (1822; кн. 2, разд. 5): «Любой, даже плохой план лучше, чем никакой» («Any plan at all, even a bad plan, is better than none») [Loudon, p. 1336].

Лаудон был виднейшим теоретиком ландшафтного дизайна и ландшафтной архитектуры, а его «Энциклопедия...» выдержала несколько переизданий.

Ранний пример цитирования этого принципа в шахматной литературе относится к середине XIX в.: «Лучше иметь плохой план, чем вовсе не иметь плана» («Better have a bad plan than no plan at all») [The Chess Player's..., p. 30; цит. по: Winter. Chess Planning].

А в пьесе американского драматурга Джона Ллойда Болдерстона «Гений Марны» (1919) читаем: «На войне, как и в шахматах,